

М.С.УВАРОВ: СМЕРТИЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ

Михаил Семёнович Уваров (1955-2013)

Михаил Семёнович Уваров (1955-2013), доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии СПбГУ, обладал уникальной способностью к локализации смыслов на предельной грани танатологической проблематики с человечностью в самом широком ее смысле – от антропологической проблематики, исследованной им всесторонне, до того недостижимого идеала «жень», ставшему основополагающей категорией китайско-конфуцианской культуры, – к нему можно лишь приблизиться, если ежедневно неутомимо упражняться в его достижении. О человечности в значении «чело вечности» любил говорить московский философ В.Л.Рабинович – коллега, друг, авторитет для М.С.Уварова; именно в этом значении уместнее всего категорию «человечности» здесь применить.

Последняя книга М.С.Уварова *«Третья природа: размышления о культуре и цивилизации»* (Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2013) как итог культурфилософских рефлексий, годами выкристаллизовавшихся в статьях,

лекционных курсах по философии культуры и философской антропологии, уникальна совершенно неповторимым тематическим сплавом четко структурированной культурологической проблематики, экзистенциального и метафизического осмысления постмодерна, воскрешенного в живых примерах, и скрупулезной антропологической реконструкции русской интеллигенции в ситуации постмодерна. Последовательно осуществленный в книге возврат к человеку (воскрешение человека!) в ситуации постгуманизма, столь часто осмысляемой в критическом дискурсе отечественной культурологии последнего десятилетия, никогда еще не был столь живым и убедительным. Эта книга наиболее «человекомерна» и в том отношении, что из всех десяти научных монографий М.С.Уварова она наиболее объемно воссоздает мир автора, с его обостренной метафизической чувствительностью, неподдельным ощущением возвышенного, непафосной гуманностью и пронзительным гуманистическим пафосом, если вернуть этому последнему слову его наилучший смысл.

«Третья природа» – культура как «человеко-созидающая реальность» для М.С.Уварова несоизмеримо важнее «четвертой», виртуальной, определенной в одном из подразделов как «Интернет, @». И в этой «третьей природе» метафизический уровень является определяющим, структурирующим культурную реальность. Этой теме в значительной мере посвящена первая из частей книги – «Культура и коммуникация». «Живая метафизика» М.С.Уварова, пронизывающая, создающая культуру, всего далее от «абсолютной фундаментальности и сложившейся системы знания»; в сущности, он и был одним из тех немногих, кто, по слову Андрея Белого, способен «заниматься метафизикой» в ее прикладном изводе, идущем от Бозция и Данте: «Метафизика представляет собой один из самых сложных исторических типов философского (и религиозного) дискурса не только в силу исторической укорененности ее в человеческом мышлении (...) В «теле» метафизики, как и в любом другом типе размышлений о мире, существует комплекс проблем, возобновление разговора о которых могут поколебать уверенность в самодостаточности уже построенного знания» (с.118-119). Дихотомически-взрывной и созидающий одновременно потенциал метафизики делают ее основоположной в культуре до наших дней и ничуть не анахроничной, и М.С.Уваров справедливо указывал на то, что «иллюзии полной исчерпанности языка традиционной метафизики (даже в его классическом, «дискурсивном» варианте) вряд ли оправданны» (с.114), указывая на ее проявления в шизоаналитическом и деконструктивистском изводах, где «“пауза надеяния“, оформляющая ситуацию постмодернизма, грозит превратиться в разлом “логоцентрического тела“ европейской культуры» (с.118).

О необходимости предельно личного, личностного преломления метафизики шла речь и в предыдущей книге М.С.Уварова «Поэтика Петербурга» (отмеченной в 2011 году премией «Вторая навигация»). Нащупывая предсказанную Мерабом Мамардашвили точку трансценденции, общую для философии и для религии, «после которой они радикально расходятся», он настаивал на том, что «речь идет не о метафизических истинах, касающихся трансценденции, а о том отношении к

действительности, которое каждый человек – будь он философ или богослов – выражает на соответствующем его миропониманию языке», поскольку «дело не в метафизике сущего, не в понимании бытия, а во внутреннем ощущении собственной экзистенции, своего личного отношения к Dasein» (с.107) – метафизическое обретает смысл в предельной индивидуализации; поэтому проблема «лица» в теме «личности», явленная в различных версиях – от католических персоналистов до Левинаса – в значительной мере определяла «лицо» философского творчества М.С.Уварова.

Прикладная метафизика. Иммутология культуры. Эти темы все более настойчиво заявляют о себе в последние годы с назревшей необходимостью метафизического ренессанса на излете «пост-постмодернизма», обьятого невозможностью продолжения игры как культуры и истории как игры (бесконфликтной согласно Ф.Фукуяме лишь до начала третьего тысячелетия). 2013 год унес жизни двух выдающихся российских философов, работавших в этом поле: М.С.Уваров и В.Л.Рабинович (которого в «Поэтике Петербурга» М.С.Уваров называет духовным наставником исследовательского проекта, с его «виталогическими» мыслями-интерпретациями). «Виталогия», логика движения к жизнеутверждению и метафизическому бессмертию определяет логику книги «Третья природа: размышления о культуре и цивилизации». Отталкиваясь от классического культурософского рассмотрения культуры и цивилизации, М.С.Уваров во второй части книги «Третья природа и постмодернизм» уделяет немало внимания сугубо постмодернистской проблеме смерти метафизики и метафизической смерти, утверждая: «Танатология, превращающаяся в особый вид «веселой науки», которую мог бы приветствовать сам Ницше, вряд ли имеет будущее. И в этом, несомненно, заключена определенная доля оптимизма. Возможно, что бессмертие, а не смерть Бога, Человека, Культуры и Автора станут ориентирами в поисках новой вехи бытия “третьей природы“».

«Смертию смерть поправ» – пасхальную литургическую формулировку М.С.Уваров относит к постмодернистскому проекту как таковому в одном из подразделов книги: как ни парадоксально, войдя в реалии

повседневного языка культуры, закрепившись благодаря культуре экранной, смерть превращается в элемент игры, вытесняясь своей противоположностью. «Смертию смерть поправ» – такой был творческий концепт М.С.Уварова, возникающий в разных работах. В «Поэтике Петербурга» он тщетно ищет это иммортологическое зерно в метафизике городского текста: «Жизнь города началась в полном соответствии с евангельскими предначертаниями – смерть поправа смерть, но жизнь, родившаяся здесь, не могла стать жизнью вечною. Она изначально явила болезнь к смерти, предстала жизнью, стремящейся к смерти» (с.116).

И в третьей части книги – «Интеллигенция: семиотика повседневного» помянутая болезнь петербургской культурной реальности преодолевается вновь личностным фактором. Как один из важных аспектов «одухотворения» и «очеловечивания» этой повседневности отметим, в частности, ко-

личество осознанных «соловьёвцев» в этом поколении философов, в первую очередь петербургских: «...это не есть переход к новой системе религиозных ценностей, а лишь изменение их структуры и артикуляций, ставящие задачу «очеловечивания человека» прямым утверждением божественных, абсолютных и предзаданных идеальных норм в жизнь» (с. 182-183). Именно эта стремящаяся к идеальному прослойка превращается в современности, по словам М.С.Уварова, «в феномен маргинальной, «мерцающей» природы». Интеллигент, в отличие от интеллектуала, добавим от себя, безошибочно распознаваем даже в тексте – глоссарием, сохранившим необходимое количество «маркеров идеального», выбором объектов интерпретации, недоступных «интеллектуалу». И в тексте, и вне его *М.С.Уваров остается (в настоящем времени!) петербургским интеллигентом, обосновывая этот статус онтологически и аксиологически.*

Подготовила О.А.Кириллова